

477630

~~1880~~

~~1899~~

**ИЗЪ ХИРУРГИЧЕСКИХЪ
ВОЕННО - ПОЛЕВЫХЪ
НАБЛЮДЕНІЙ**

во время войны въ Сербіи въ 1876 г. и въ Черногоріи въ 1877 г.

ДИССЕРТАЦІЯ

НА СТЕПЕНЬ ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ

Корнилія Соколова,

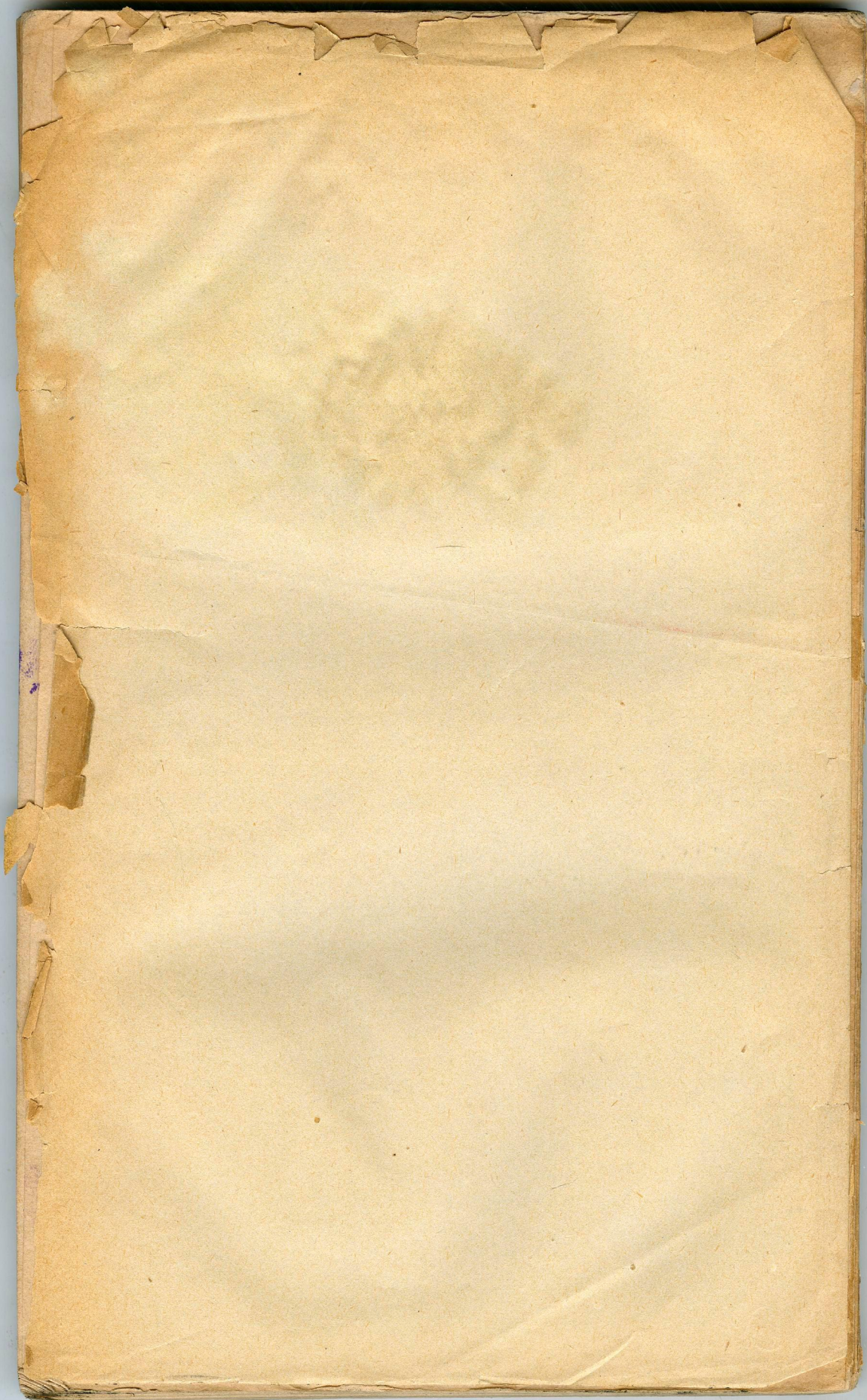
ординатора хирургической клиники проф. Е. И. Богдановскаго.

~~IV-938~~

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Якова Трея, Разъѣзжая, № 51

1879.

ИЗЪ ХИРУРГИЧЕСКИХЪ
ВОЕННО-ПОЛЕВЫХЪ
НАБЛЮДЕНІЙ

во время войны въ Сербіи въ 1876 г. и въ Черногоріи въ 1877 г.

ДИССЕРТАЦІЯ

НА СТЕПЕНЬ ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ

Корнилія Соколова,

ординатора хирургической клиники проф. Е. И. Богдановскаго.

58.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

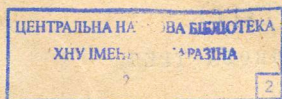
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ,

1879.

Докторскую диссертацию лекаря Корнилія Соколова подь заглавіемъ: „Изъ хирургическихъ военно-полевыхъ наблюденій во время войны въ Сербіи въ 1876 году и въ Черногоріи въ 1877 году“ съ разрѣшенія Конференціи Императорской Медико-Хирургической Академіи печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи оной было представлено 400 экземпляровъ ея въ Конференцію. С.-Петербургъ, февраля 3 дня 1879 г.

Ученый Секретарь *А. Доброславинъ.*

829-11

ИЗЪ ХИРУРГИЧЕСКИХЪ ВОЕННО-ПОЛЕВЫХЪ НАБЛЮДЕНІЙ

ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ ВЪ СЕРБІИ ВЪ 1876 ГОДУ И ВЪ ЧЕРНОГОРІИ
ВЪ 1877 ГОДУ.

Во время сербско-турецкой войны 1876 года я былъ командированъ отъ общества Краснаго Креста ¹⁾ въ Сербію, куда прибылъ въ началѣ августа, какъ разъ, ко времени знаменитыхъ алексинацкихъ битвъ и оставался до конца декабря 1876 года, т. е., почти до прекращенія дѣятельности русскаго общества Краснаго Креста въ Сербіи.

Съ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи въ 1877 году я снова поступилъ на службу общества Краснаго Креста и на этотъ разъ отправился въ Черногорію, гдѣ и оставался все лѣто, именно: съ конца апрѣля мѣсяца до конца сентября 1877 года.

Предлагаемыя читателямъ наблюденія составляютъ результатъ этихъ двухъ полугодичныхъ поѣздокъ на театръ военныхъ дѣйствій.

¹⁾ Первые четыре мѣсяца моей дѣятельности въ Сербіи были обезпечены средствами, выданными мнѣ княгиней Шаховскою чрезъ доктора Шершевскаго, — и только по истеченіи этого срока я поступилъ на непосредственную службу общества Краснаго Креста.

1. Условія санитарной дѣятельности въ Сербіи и Черногоріи.

Лазареты.

Въ Сербіи подъ лазареты занимались болѣею частію школы, и только въ рѣдкихъ случаяхъ приходилось помѣщать больныхъ въ харчевняхъ, гостинницахъ и вообще частныхъ домахъ. Такъ въ Бѣлградѣ одна изъ двухъ больницъ, которыми я завѣдывалъ, помѣщалась въ такъ называемой Великой Женской школѣ и только другая была въ зданіи, называвшемся Сенатомъ. Въ Крушевцѣ тоже больница на сто кроватей, въ которой я одно время занимался, находилась въ зданіи гимназіи. Въ Пожаревацѣ главная часть раненныхъ была помѣщена въ земледѣльческой школѣ. Въ Брусѣ и Трнавцахъ подъ больницы заняты были сельскія школы. Равнымъ образомъ и въ Ягодинѣ двѣ больницы находились въ школахъ, одна — въ мужской, другая — въ женской. Только въ Парачинѣ, гдѣ я занимался первое время по приѣздѣ въ Сербію, больница была расположена въ нѣсколькихъ обывательскихъ домахъ, изъ которыхъ одинъ прежде былъ харчевней (кафана).

Въ Сербіи медицинская часть въ уѣздахъ (окружіяхъ) въ мирное время поставлена самымъ примитивнымъ образомъ. На каждое окружіе полагается врачъ, но едва ли не безъ больницы. По крайней мѣрѣ, спеціальныя больничныя зданія мы видѣли только въ Бѣлградѣ, гдѣ городская больница обставлена и устроена соотвѣтственно современнымъ требованіямъ. Въ провинціальныхъ же городахъ мы вовсе не видѣли больницъ, которыя бы существовали и въ мирное время. Если въ нѣкоторыхъ городахъ онѣ и имѣются, то въ такомъ жалкомъ видѣ, что обыкновенно на нихъ не обращалось никакого вниманія при размѣщеніи раненныхъ: напр., въ Пожаревацѣ больница для потребностей мирнаго времени устроена только на 10 кроватей.

Школьное же дѣло въ Сербіи, если судить по школьнымъ зданіямъ, поставлено завиднымъ образомъ. Въ каждой деревнѣ и почти въ каждомъ городѣ самое чистое и вообще самое лучшее зданіе представляетъ школа. Такъ какъ на время войны

всѣ школы были закрыты, а учителя были привлечены въ военной службѣ въ качествѣ интендантовъ или санитаровъ, то всѣ школьныя зданія были совершенно свободны; поэтому они первыя были занимаемы подѣ госпиталя. Не смотря на худую репутацію, которою пользуются школы при занятіи ихъ подѣ военныя госпиталя — ихъ ставятъ на равнѣ съ казармами, — онѣ въ Сербіи служили свою службу сравнительно хорошо, по крайней мѣрѣ, сколько мнѣ пришлось видѣть. Если взять рожу и госпитальную гангрену, какъ это обыкновенно дѣлается, мѣриломъ испорченности госпиталей, то сербскіе временныя госпиталя должно поставить весьма высоко, потому что сказанныя болѣзни въ Сербіи, вообще говоря, были рѣдкостью и стали появляться только уже къ зимѣ и то только въ нѣкоторыхъ госпиталяхъ. Самому мнѣ лично не пришлось видѣть почти вовсе ни госпитальной гангрены, ни рожи. Я видѣлъ только обширныя грануляціонныя поверхности послѣ госпитальной гангрены въ пожаревацкомъ госпиталѣ уже въ декабрѣ мѣсяцѣ; помнится, только у одного больного гангрена еще держалась дня два и послѣ моего пріѣзда въ Пожаревацъ. Зданіе, въ которомъ появилась госпитальная гангрена, была земледѣльческая школа съ широкимъ и свѣтлымъ корридормъ на одной сторонѣ, съ большими окнами и т. д. Но эта школа съ самаго начала кампаніи была завалена ранеными, располагавшимися весьма скученно, число которыхъ не убывало, а постоянно прибывало. Естественно, что послѣ долговременной службы она потребовала радикальнаго очищенія. Въ Бѣлградѣ, въ зданіи сената, тоже было двое раненныхъ, у которыхъ прежде была гангрена. Вотъ и всѣ случаи госпитальной гангрены, которые я видѣлъ въ Сербіи. Кромѣ того, мнѣ передавали, что ягодинскую больницу, помѣщавшуюся въ женской школѣ, зданіи на видъ весьма чистомъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ вынуждены были закрыть вслѣдствіе развитія госпитальной гангрены. — Рожа, по всей вѣроятности, была чаще, но всё-таки и она составляла настолько рѣдкое явленіе, что, напр., мнѣ не пришлось видѣть ни одного случая. Острогнойные отеки со смертельнымъ исходомъ наблюдались тоже рѣдко при поврежденіяхъ непервой важности. Только въ Травницахъ у меня записанъ одинъ случай, гдѣ при ранѣ голе-

ни, по видимому, безъ поврежденія кости, послѣдовала смерть отъ острогнойнаго отека (см. раны голени).

Можетъ быть, зданія школъ въ Сербіи оказались выше своей репутаціи, потому что онѣ не служили для закрытыхъ учебныхъ заведеній, а были назначены только для приходящихъ воспитанниковъ. Съ другой стороны, можетъ быть, на отсутствіе разныхъ заразныхъ болѣзней у раненныхъ вліяло также и то, что во время сербской войны устраивались больницы бѣльшею частію очень маленькія, обыкновенно на 20 — 30 человекъ. Зданія на 100 раненныхъ, какъ въ Пожаревацѣ (земледѣльческая школа) и Крушевцѣ (гимназія), были рѣдкостію. Въ большинствѣ случаевъ больница, находившаяся въ завѣдываніи одного врача, помѣщалась въ нѣсколькихъ небольшихъ зданіяхъ, въ которыхъ было положено по нѣскольку десятковъ раненныхъ. Такъ, напр., въ Крушевцѣ раненные были распределены въ 7 зданій при трехъ врачахъ, при чемъ все ихъ количество не превышало 150 человекъ.

Нужно сказать, что система разсыпанія раненныхъ, предложенная Н. И. Пироговымъ еще въ его «Началахъ военно-полевой хирургіи», и на которой онъ послѣ примѣненія ея въ Германіи во время франко-прусской войны 1870 года еще болѣе настаиваетъ ¹⁾, въ Сербіи волей неволей, была примѣнена въ огромныхъ размѣрахъ. Я говорю «волей неволей», потому что не знаю, сознательно ли сербское правительство стремилось къ развозу раненныхъ по всему пространству Сербіи, или же это происходило случайно въ силу обстоятельствъ, за недостаткомъ приготовленныхъ мѣстъ для помѣщенія раненныхъ по близости къ театру военныхъ дѣйствій. Только фактъ тотъ, что раненные были распределены по всей странѣ и при концѣ войны трудно было найти такую деревню, въ которой бы не развѣвался флагъ съ краснымъ крестомъ. Правда, неведѣ были врачи, и во многихъ госпиталяхъ дѣло обходилось съ одними

¹⁾ *Пироговъ*, Отчетъ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учреждений въ Германіи 1871 года, стр. 8, а также предисловіе его къ книгѣ *Бертенсона* «Барачные лазареты», стр. 16.

фельдшерами, тѣмъ не менѣ раненные были развезены повсюду.

Затѣмъ въ Сербіи каждый врачъ, а за отсутствіемъ его и фельдшеръ, — русскій или сербскій, все равно, — имѣлъ полное право отпускать раненныхъ изъ больницы для домашняго лѣченія безъ всякихъ формальностей. Для этого онъ долженъ былъ написать только записку на лоскутѣ бумаги, такъ называемую объяву, съ обозначеніемъ срока, чрезъ который больной долженъ явиться въ больницу для освидѣтельствованія (не свыше 15 дней); съ этой запиской раненный отправлялся домой, если рана его не требовала госпитальнаго лѣченія. Если раненный былъ другаго округа, то онъ на родинѣ долженъ былъ явиться въ свой окружной городъ къ врачу, и тотъ назначалъ ему срокъ для повторныхъ освидѣтельствваній. При каждой явкѣ раненаго врачъ только приписывалъ на объявѣ, что онъ отпускается еще на столько-то дней. При помощи такой мѣры госпитали освобождались отъ всѣхъ выздоравливающихъ и отъ всѣхъ легко раненныхъ въ верхнія конечности, грудь и т. д. и такимъ образомъ по возможности избѣгалось переполненіе госпиталей. Къ сожалѣнію, нашлись люди изъ врачей, которые злоупотребляли указаннымъ правомъ отпуска раненныхъ даже изъ корыстныхъ видовъ; правда, такихъ было немного, они составляли исключеніе.

Въ Черногоріи трудно было найти подѣ госпиталь уже и какое бы то ни было зданіе. Въ Даниловградѣ по пріѣздѣ туда въ началѣ мая 1877 года мы нашли устроенную на черногорскія средство больницу, въ которой не было ни прислуги, если не считать прислугой человека, приносившаго больнымъ два раза въ день пищу, ни бѣлья, и вообще никакихъ больничныхъ приспособленій. Въ этой больницѣ, помѣщенной въ избѣ въ 4 окна (на двѣ стороны по два окна) лежало до 15 человекъ больныхъ и раненныхъ прошлаго 1876 года въ такой грязи, что большаго безобразія мнѣ не приходилось видѣть нигдѣ. Послѣ чрезвычайныхъ усилій и сравнительно большихъ затратъ денежныхъ, потому что каждую бездѣлицу нужно было покупать за громадныя деньги, а часто нарочно выписывать изъ Каттаро, — наконецъ, удалось намъ устроить больницу на 20 кроватей, помѣ-

стивъ ее въ самомъ лучшемъ даниловградскомъ домѣ, такъ называемой Господаревой, т.е. Казенной, Кучѣ. Въ этомъ домѣ въ мирное время помѣщается даниловградскій судъ. Нечего уже и говорить о томъ, что кроватей нельзя было достать на мѣстѣ; пришлось нанимать особаго мастера, чтобы онъ сдѣлалъ козлы для импровизованныхъ кроватей. Такъ какъ въ Черногоріи нѣтъ и никакого лѣсу, а тѣмъ болѣе строеваго, то каждая доска для кровати стоила большихъ денегъ. Да и то скоро мы скупили всѣ наличныя доски въ Даниловградѣ и за неимѣніемъ ихъ нѣкоторыхъ больныхъ должны были класть прямо на полъ. Потомъ понадобились намъ тарелки; оказалось, что ихъ нельзя купить ни гдѣ ближе Австріи. А для того, чтобы дойти до Каттаро, посланный долженъ пройти всю Черногорію, на что требуется не менѣе двухъ дней. Поэтому примѣру можно судить и о прочемъ.

Сразу по открытіи военныхъ дѣйствій въ Черногоріи, въ концѣ мая, уже указалось, что этой больницы недостаточно и необходимо увеличить число мѣстъ для раненныхъ. Съ этою цѣлію нашли домъ двухъ-этажный, въ которомъ внизу помѣщалась лавка и не было оконъ, а вверху была жилая часть. Но и въ верхней части дома полъ былъ самый рѣдкій, а потолка и вовсе не было, такъ что, не смотря на то, что это было жилое помѣщеніе черногорца, состоятельнаго по сравненію съ другими, оно болѣе походило на сарай или сѣноваль. Благодаря такому устройству дома, никогда не было больничнаго запаха во вновь устроенномъ госпиталѣ, тогда какъ въ прежде устроенной больницѣ, помѣщенной въ настоящемъ домѣ, воздухъ портился чрезвычайно легко. Съ дальнѣйшимъ же увеличеніемъ числа раненныхъ и больныхъ мы уже окончательно были поставлены въ затрудненіе, такъ какъ подходящихъ обывательскихъ домовъ для устройства больницы вовсе не было. Заняли еще одинъ домъ, но онъ уже представлялъ вопіющія неудобства: былъ скорѣе развалина, чѣмъ домъ. Впрочемъ изъ этого затруднительнаго положенія скоро насъ вывело нашествіе Сулеймана. Раненныхъ черногорцы унесли въ разныя стороны, а Сулейманъ, хотя въ самый Даниловградъ и не вошелъ, но тѣмъ не менѣе Господаревъ домъ, въ которомъ была наша первая

больница, пострадалъ отъ нѣсколькихъ, попавшихъ въ него турецкихъ гранатъ.

Въ Цетинѣ раненные помѣщались въ двухъ зданіяхъ: въ даниловскомъ госпиталѣ, описанномъ докторомъ Ковалевскимъ въ его отчетѣ ¹⁾, и въ довольно обширномъ домѣ, называющемся Билліардо, въ которомъ въ мирное время были сосредоточены черногорскія, весьма несложныя, присутственныя мѣста. А до постройки новаго княжескаго дворца зданіе это было дворцемъ. Оно—двухъ-этажное, но въ нижнемъ этажѣ представлялось столько неудобствъ въ гигиѣническомъ отношеніи по причинѣ близости, безобразно устроенныхъ, отхожихъ мѣстъ, отсутствія деревяннаго пола, сырости и т. д., что помѣщенія въ немъ больныхъ или раненныхъ по возможности избѣгали. Верхній этажъ былъ лучше въ значительной степени. Въ немъ имѣется корридоръ, впрочемъ, очень узкій, изъ котораго на одну сторону вель рядъ дверей въ расположенныя рядомъ, очень небольшія комнаты. Въ каждой изъ этихъ комнатъ помѣщалось отъ 4 до 9 больныхъ. Но и въ этомъ этажѣ, можетъ быть, по причинѣ тѣсноты, а, можетъ быть, и по причинѣ старости зданія и того обстоятельства, что оно уже другое лѣто служило помѣщеніемъ для раненныхъ,—трудно было достигъ извѣстной чистоты воздуха: при входѣ свѣжій человекъ чувствовалъ присутствіе особаго больничнаго запаха, чего не замѣчалось почти вовсе въ упомянутомъ выше даниловскомъ госпиталѣ. Въ Билліардо постоянно находилось отъ 80 до 125 человекъ раненныхъ: половина ихъ съ начала іюня до конца сентября составляла отдѣленіе, въ которомъ занимался я.

Не смотря на неблагопріятныя гигиѣническія условія, въ цетинскомъ госпиталѣ госпитальной гангрены мы не наблюдали вовсе. Не могли также пожаловаться и на рожу: я видѣлъ въ Цетинѣ всего пять случаевъ рожи въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ; за этотъ періодъ времени чрезъ мое отдѣленіе прошло 110 раненныхъ. Изъ пяти случаевъ рожи только одинъ былъ наблю-

¹⁾ Ковалевскій, Отчетъ по хирургическому отдѣленію цетинскаго госпиталя за 1876 годъ, 1878, стр. 2.

даемъ въ августѣ, а остальные четыре явились почти одновременно въ сентябрѣ, когда наступила дождливая погода и такой туманъ, что мы въ Цетинѣ за 10 сажень не могли различать человека. Эти туманы, продолжавшіеся по цѣлымъ днямъ въ сентябрѣ, обусловливаются высокимъ положеніемъ Цетинье. Когда съ горъ спускаешься, напр., въ приморскій пунктъ, Каттаро, то и туманъ (облака) исчезаетъ. Въ пользу того, что рожа въ цетинскомъ госпиталѣ была обязана своимъ происхожденіемъ не только госпитальной конституціи, а также и сырой погодѣ, говоритъ то обстоятельство, что одинъ изъ раненныхъ въ сентябрѣ пришелъ къ намъ уже съ развитой рожей на пятый день послѣ раненія. Всѣ случаи рожи окончились благополучно: она ограничивалась только раненымъ членомъ, напр., одной рукой или ногой, не распространяясь на другіе члены, и продолжалась только отъ 4 до 8 дней.

Въ половинѣ іюля поставлена была въ Цетинѣ военная палатка на 16 кроватей, въ которую мы имѣли возможность переводить изъ Билліардо особенно трудно раненныхъ. Другая такая же палатка, поставленная гораздо раньше, принадлежала даниловскому госпиталю. Шатры эти были, можно сказать безъ всякаго преувеличенія, лучшимъ помѣщеніемъ для черногорскихъ раненныхъ. Только черногорцы сначала неохотно перемѣняли больницу на шатеръ, и приходилось ихъ перемѣщать насильно, но потомъ, когда они ознакомились съ палатками и убѣдились, что съ одной стороны, благодаря двойному холсту, составляющему верхъ шатра, они не страдали отъ солнечнаго жара днемъ, а съ другой—имъ и ночью не было холодно, благодаря тому, что боковыя части палатки обтянуты толстымъ сѣрымъ сукномъ, черногорцы начали даже просить о переводѣ ихъ изъ госпиталя въ шатеръ. Благопріятное вліяніе содержанія больныхъ въ палаткахъ особенно рѣзко выразилось на двухъ раненныхъ въ мягкія части голени (Крста Новаковичъ и Перипша Поповичъ, см. ниже), страдавшихъ обширными гнойными затеками подъ икроножныя мышцы. У перваго изъ нихъ, пока онъ лежалъ въ зданіи Билліардо и именно въ нижнемъ его этажѣ, гноя выходило при каждой перевязкѣ по глубокой тарелкѣ;

другой тоже немного уступалъ въ этомъ отношеніи первому. Съ половины іюня оба они лежали въ Билліардо въ нижнемъ этажѣ до половины іюля, а 17 іюля были переведены въ шатеръ, и здѣсь уже на третій день отдѣленіе гноя рѣзко уменьшилось. Затѣмъ черезъ короткое время у обоихъ обширныя гнойныя полости совершенно закрылись, именно у перваго, чрезъ 12 дней по переводѣ въ шатеръ, а у другаго—чрезъ недѣлю и дѣло пошло къ заживленію ранъ. У Крста Новаковича температура тѣла на третій день послѣ перевода въ шатеръ упала съ 38 — 39° до нормы и болѣе уже не поднималась. Относительно другаго больного мы цифръ температуры, къ сожалѣнію, не имѣемъ. Шатры стояли до самой осени и могли бы служить помѣщеніемъ для раненныхъ еще долго и осенью, такъ какъ были довольны теплы, но въ половинѣ сентября оба они упали ночью отъ такого страшнаго вѣтра, который мнѣ привелось видѣть только въ Черногоріи. Къ счастью еще, никто изъ больныхъ не пострадалъ при паденіи шатровъ, и всѣ помѣщавшіеся въ нихъ раненные отдѣлались только страхомъ. Вѣтры въ Черногоріи по временамъ были настолько сильны, что уже и раньше стоило большихъ трудовъ удерживать шатры отъ паденія.

Транспортировка раненныхъ.

Не смотря на то, что какъ Сербія, такъ и Черногорія находятся почти въ центрѣ Европы, транспортировка раненныхъ въ нихъ, какъ и многое другое, была поставлена совсѣмъ не по европейски. Впрочемъ, нельзя было и ожидать въ этомъ отношеніи вичего лучшаго ни отъ Сербіи, ни отъ Черногоріи.

Сербія, страна равная по величинѣ средней нашей губерніи, вовсе лишенная промышленности въ силу различныхъ политическихъ давленій извнѣ, взяла на себя гигантскій трудъ войны съ державой, о слабости которой, правда, много говорили, но которая еще и до сихъ поръ неисключена окончательно изъ ряда великихъ европейскихъ государствъ. Конечно, война была для Сербіи трудомъ непосильнымъ. Что же касается до Черногоріи, то надо имѣть въ виду, что это дикая, полуголодная, хотя и ге-

ройская, страна, въ которой два фунта простаго чернаго хлѣба стоятъ 30 копѣекъ (40 австр. крейцеровъ)! Принимая во вниманіе эти немногосложныя условія, которыя могутъ быть выражены однимъ словомъ «бѣдность», мы не начнемъ съ осужденія сербскихъ порядковъ и т. п., потому что эти порядки не могли быть иными, — а только постараемся рассказать дѣло такъ, какъ оно было. Впрочемъ и въ европейскихъ государствахъ во время войны всегда встрѣчаются недостатки въ санитарныхъ учрежденіяхъ: напр., во время франко-прусской войны, по словамъ Пирогова, „въ деревнѣ Ремилы было свалено нѣсколько тысячъ раненныхъ подъ Гравелотомъ; ихъ оттуда везли два дня и двѣ ночи на крестьянскихъ телѣгахъ и обывательскихъ подводахъ, и на эти тысячи раненныхъ (говорятъ, до 10000) было въ первые дни всего на всего четыре врача» ¹⁾. А проф. Нарановичъ рассказываетъ о еще болѣе печальномъ фактѣ изъ войны пруссаковъ съ австрійцами въ 1866 году, именно: «Послѣ сраженія при Садовой, спустя пять дней, открытъ былъ въ кустарникахъ забытый австрійскій перевязочный пунктъ, куда снесены были сотни раненныхъ; изъ нихъ въ страшной кучѣ мертвыхъ нашли около 20 еще живыхъ, измученныхъ голодомъ, жаждой и безъ всякой перевязки. Ихъ взяли въ ближайшій лазаретъ; почти всѣ эти несчастные умерли на дорогѣ; послѣдній скончался чрезъ 2 часа, когда его положили на солому» ²⁾. Послѣ такихъ фактовъ во время войнъ чисто европейскихъ, конечно, въ Сербіи и Черногоріи можно ожидать всего худшаго, не ставя этого никому въ укоръ.

Въ Сербіи не было никакой организаціи для перевозки больныхъ и раненныхъ. Даже часто тѣхъ сельскихъ телѣгъ, которыя полагались при войскахъ для санитарныхъ нуждъ и назывались больничарскими колами, невозможно было отыскать. Такъ, напр., на Янковой Клисурѣ, когда потребовалось перевязочному пункту отправиться за войскомъ, выступившимъ со

¹⁾ Отчетъ *Пирогова* о посѣщеніи военно-санитарныхъ учреждений въ Германіи, 1871 г., стр. 50.

²⁾ *Нарановичъ*, Замѣчанія по осмотру клиникъ въ Берлинѣ и учреждений санитарной части въ прусской арміи во время войны въ 1866 году, стр. 61.

своихъ позицій для наступленія, на мою просьбу дать хоть одну телѣгу для трудно-раненныхъ, заявили, что таковыя телѣги имѣются, но только никто не могъ сказать, куда онѣ на этотъ разъ дѣлись; оказалось, что ихъ употребили для другихъ надобностей. Транспорты раненныхъ обыкновенно снаряжались слѣдующимъ образомъ. Для войска постоянно подвозились различные припасы, между прочимъ, въ огромномъ количествѣ сѣно, на волахъ. Вотъ на этихъ-то подводахъ отправляющихся въ обратный путь, и развозились по пути трудно-раненные и больные по госпиталямъ изъ войска. Легко же раненные отправлялись пѣшкомъ, безъ всякаго призора и чьего-либо попеченія. Почти всѣ потребности войны въ Сербіи удовлетворялись реквизиціоннымъ путемъ. Помощію реквизиціи добывались подводы, лошади, различные припасы, не исключая вина и даже свѣчей, для военныхъ надобностей. Подводы для перевозки раненныхъ изъ одного переполненнаго госпиталя въ другой, болѣе удаленный отъ театра военныхъ дѣйствій и потому менѣе переполненный, обыкновенно были добываемы тоже реквизиціоннымъ порядкомъ и довольно оригинальнымъ образомъ. Нужно, напр., врачу отправить извѣстное число своихъ больныхъ въ болѣе дальній госпиталь. Съ этою цѣлію онъ обращается съ заявленіемъ къ такъ называемому начальнику станицы (должность въ родѣ нашего исправника), и тотъ ставитъ солдата на проѣзжую дорогу, на мосту или вообще на такомъ мѣстѣ, объѣхать которое проѣзжающимъ нельзя, съ тѣмъ, чтобы онъ останавливалъ всѣ порожнія подводы, ѣдущія по тому направлению, по которому долженъ былъ отправленъ транспортъ. На эти то подводы, почти во всѣхъ случаяхъ воловьи, клались раненные и отправлялись въ требуемый госпиталь. А то бывало и проще: сами врачи отправлялись на базаръ, гдѣ скоплялось много крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень на своихъ волахъ, и забирали всѣ попадавшіяся подводы безъ разбора, укладывали на нихъ раненныхъ и отправляли, куда требовалось. При этомъ, надо сказать правду, рѣдко дѣло обходилось безъ слезъ со стороны хозяевъ подводъ, но энергическихъ протестовъ и послушанія не было.

Такимъ образомъ транспортировка зависѣла отъ всевозмож-

ныхъ случайностей: проѣзжаютъ мимо порожнія воловьы телѣги, отправляются и раненные, а нѣтъ подводъ, случайно мимо проѣзжающихъ, и транспортировка останавливается.

При такомъ допотопномъ способѣ передвиженія, конечно, нечего было и думать о какихъ-либо спеціальныхъ приспособленіяхъ для перевозки раненныхъ. Правда, въ концѣ августа доставлены были изъ Бѣлграда отъ сербскаго правительства носилки, которыя могли быть подвѣшиваемы на телѣгахъ и, кромѣ того, снабжены были верхомъ, благодѣтельнымъ при палящихъ солнечныхъ лучахъ. Но, къ несчастію, ихъ было весьма ограниченное количество, и онѣ очень скоро были израсходованы. Въ послѣднее время, уже передъ самымъ окончаніемъ военныхъ дѣйствій, чуть ли даже не послѣ его, появились и спеціальныя фургоны для перевозки раненныхъ, устроенные, какъ нашимъ обществомъ Краснаго Креста, такъ и англійскимъ. Насколько они принесли пользы и оправдали ли расходы на ихъ постройку, я не знаю, потому что я ихъ видѣлъ въ значительномъ числѣ только въ Бѣлградѣ послѣ заключенія перемирія, въ концѣ ноября. При возвращеніи своемъ изъ Крушевца тотчасъ послѣ заключенія перемирія одинъ такой санитарный фургонъ нашего общества Краснаго Креста я видѣлъ въ Смедеревѣ. Онъ былъ назначенъ къ отправкѣ въ ближайшіе къ боевой линіи пункты, но застрѣлъ въ Смедеревѣ за недостаткомъ подъ него лошадей и даже воловъ. Такимъ образомъ функція этихъ фургоновъ едва ли не сводилась въ концѣ концовъ къ нулю.

Большіе транспорты раненныхъ сопровождались лѣкарскими помощниками или студентами; но это было далеко не во всѣхъ случаяхъ. Обыкновенно же транспорты отправлялись безъ всякаго медицинскаго надзора, и не только небольшіе, но часто и значительные транспорты раненныхъ и больныхъ. Кормили раненныхъ на пути въ больницахъ, если таковыя попадались на дорогѣ, или въ харчевняхъ реквизиціоннымъ порядкомъ: хозяинъ харчевни получалъ отъ начальника транспорта квитанцію на поставленные харчи. Правильно же устроенныхъ этапныхъ пунктовъ не было, кромѣ таковаго въ Іовановцахъ, который былъ въ завѣдываніи покойнаго доктора Янчича, принадлежавшаго къ Боткинскому отряду.

При переломахъ конечностей гипсовыя повязки при назначеніи раненныхъ въ транспортъ накладывались нечасто, чтобы не сказать больше ¹⁾. Почти только тѣ переломы, которые прошли чрезъ Іовановцы, гдѣ въ началѣ войны работали Ринекъ и Коломнинъ, мы въ Парачинѣ видѣли въ гипсовыхъ повязкахъ. Сербскіе врачи, да многіе и изъ русскихъ, не любили накладывать гипсовыя повязки. Вообще говоря, еще русскіе врачи скорѣе накладывали гипсовыя повязки, хотя далеко не во всѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалось; врачи же другихъ націй, сколько пришлось видѣть, вовсе пренебрегали ими, не знаю, по небрежности или изъ какихъ соображеній. Какъ бы то ни было, громадное большинство раненныхъ съ огнестрѣльными переломами конечностей отправлялось безъ гипсовыхъ повязокъ и часто даже вовсе безъ всякихъ лубковъ ²⁾.

Говоря о транспортировкѣ раненныхъ въ Сербіи не могу пройти молчаніемъ того обстоятельства, что пути сообщенія въ Сербіи устроены довольно сносно; почти вездѣ имѣются шоссейныя дороги, правда, къ концу войны сильно пострадавшія.

Всего лучше въ Сербіи могла быть произведена транспортировка по Дунаю изъ мѣстъ, расположенныхъ при этой рѣкѣ. Съ этою цѣлью была устроена и спеціальная санитарная баржа сербскимъ правительствомъ, на которой перевозились раненные изъ Смедерева Пожаревца и другихъ пунктовъ въ Бѣлградъ. Небольшіе же транспорты отправлялись просто на пассажирскихъ пароходахъ Австрійскаго Лойда.

Ужъ если вообще такъ неприглядно была поставлена транспортировка раненныхъ въ Сербіи, странѣ отличавшейся все таки своею производительностью и зажиточностью въ массѣ населенія, то что же сказать о Черногоріи, горной, почти совершенно лишенной всякой растительности странѣ? Если въ Сербіи можно было перевезти раненныхъ, хоть на волахъ, то о

¹⁾ См. крайне интересныя данныя относительно транспортировки раненныхъ въ Сербіи у Кузьмина «Замѣтки изъ военно-полевыхъ хирургическихъ наблюденій», Военно-Медицинскій Журналъ, июль 1877 года, стр. 121.

²⁾ См. тамже стр. 125, а также въ Медицинскомъ Вѣстникѣ за 1877 годъ, въ № 12, статью Таубера «Очеркъ моей хирургической дѣятельности».

Черногоріи и этого нельзя сказать, потому что въ ней неизвѣстны вовсе и, какія бы то ни было, повозки. Черногоріи—страна настолько гористая и лишенная всякихъ дорогъ (есть только зигзагообразныя тропинки, на которыхъ даже лошади, непривычныя, ломаютъ себѣ ноги), что передвиженіе изъ одной мѣстности въ другую сопряжено съ величайшими затрудненіями. Всѣ тяжести возятъ на мулахъ или, что чаще, носятъ женщины, которыя, къ слову сказать, въ Черногоріи поставлены крайне низко въ общественномъ положеніи.

Болѣе легкіе раненные отправлялись на мулахъ. Но и муловъ внутри Черногоріи часто достать нѣтъ никакой возможности. Приходилось мириться на томъ, что черногорская администрація, посылая, напр., за провіантомъ для войска въ Каттаро нѣсколько муловъ, распорядится по пути отвезти раненныхъ изъ Даниловграда въ Цетинье. Спеціально же для транспорта раненныхъ найти муловъ не было возможности. Черногорцы еще такъ мало привыкли къ госпитальному лѣченію раненныхъ, что нерѣдко они и не понимаютъ необходимости везти раненнаго въ Цетинье, гдѣ были сосредоточены наши госпитали, если только онъ не былъ уроженцемъ Цетинскаго округа. Трудно раненныхъ всегда носили на носилкахъ люди. Для этого требуется громадное количество носильщиковъ. На каждого раненнаго нужно при обыкновенныхъ носилкахъ четыре носильщика, а такъ какъ одни и тѣ же носильщики при гористой мѣстности очень скоро утомляются, то къ нимъ непремѣнно нужно двѣ смѣны, т. е., на каждого раненнаго необходимо 12 носильщиковъ. Если же черногорцы несутъ раненнаго на своихъ самодѣльныхъ носилкахъ (см. ниже), то требуется, не смотря на гористую мѣстность, только двое носильщиковъ, но всё-таки со смѣнами нужно не менѣе 6 человѣкъ. Но такъ какъ на нашихъ носилкахъ, сдѣланныхъ изъ парусины, раненнымъ лежать несравненно покойнѣе, чѣмъ на черногорскихъ, то черногорцы всегда предпочитали первыя послѣднимъ. Гдѣ же въ Черногоріи взять столько народу, чтобы своевременно доставлять раненныхъ въ госпитали за два дня и болѣе, напр., изъ Даниловграда въ Цетинье? Поэтому и неудивителенъ такого рода случай: въ Даниловградскомъ госпиталѣ накопилось раненныхъ и боль-

ныхъ къ началу іюня до 70 человѣкъ; между тѣмъ стало извѣстно, что Сулейманъ-паша приближается и защитить Даниловградъ отъ его нападенія нѣтъ надежды. При такомъ положеніи дѣла я не мало задумывался, какъ поступить съ моими ранеными и больными. Но черногорцы мое затрудненіе разрѣшили до нельзя просто: пришли вечеромъ 5 іюня большой толпой, положили перевязочныхъ и накормленныхъ нами въ послѣдній разъ раненныхъ на носилки и понесли въ разныя стороны. Я былъ увѣренъ до послѣдняго времени, что мои раненные будутъ транспортированы въ Цетинье. Между тѣмъ оказалось, что у Божицара Петровича, командовавшаго войскомъ около Даниловграда, было столь мало людей, что онъ не могъ удѣлать для транспорта раненныхъ ни одного человѣка. Отпущенные имъ носильщики должны были въ теченіи ночи отнести раненныхъ въ ближайшія неприступныя горы и къ утру возвратиться въ лагерь, чтобы быть готовыми защищаться противъ неожиданнаго нападенія со стороны турокъ. Только тогда, когда Сулейманъ прошелъ мимо Даниловграда и ушелъ съ черногорской территоріи, стали приносить въ большомъ количествѣ раненныхъ въ Цетинье.

По пріѣздѣ въ Черногорію уполномоченный общества Краснаго Креста П. А. Рахтеръ, человѣкъ въ высшей степени энергичный и дѣятельный, хотѣлъ устроить въ различныхъ пунктахъ Черногоріи лазареты и давалъ намъ предписанія направлять раненныхъ въ тотъ или другой пунктъ. Но скоро сдѣлалось яснымъ, что въ Черногоріи отправлять раненныхъ, могущихъ ѣхать верхомъ на мулахъ, можно только по пути съ оказіей, а никакъ не соображаясь съ нашими предначертаніями; трудно же раненныхъ не было возможности никуда транспортировать за недостаткомъ людей. Устроить же транспортировку раненныхъ на свой счетъ и дѣлать различныя приспособленія для перевозки и трудно раненныхъ на мулахъ, какъ это практикуется въ гористыхъ мѣстностяхъ цивилизованными администраціями, русскій Красный Крестъ не имѣлъ средствъ. И то онъ долженъ былъ основывать медицинскую часть въ Черногоріи изъ ничего и приучать черногорцевъ къ медицинѣ, начиная съ азбуки медицинской.

Все это стоило громадныхъ и средствъ и усилій. Поэтому-то съ приѣздомъ новаго уполномоченнаго П. А. Васильчикова, хорошо знакомаго съ Черногоріей, такъ какъ онъ и начиналъ дѣятельность общества Краснаго Креста въ Черногоріи еще во время герцеговинскаго возстанія, кругъ помощи раненымъ съ нашей стороны почти ограничился городомъ Цетинье. Только близъ дѣйствующей арміи устроенъ былъ лазаретъ, имѣвшій скорѣе характеръ этапнаго пункта; затѣмъ при главной квартирѣ былъ устроенъ перевязочный пунктъ, при одномъ врачѣ и двухъ его помощникахъ. Всѣ же остальные медицинскія силы были сосредоточены въ цетинскихъ госпиталяхъ, если не считать больницы въ Нѣгушахъ, на полпути отъ Цетинье въ Каттаро, гдѣ занимался одинъ врачъ, и куда эвакуировались раненные изъ Цетинье въ случаяхъ переполненія цетинскихъ госпиталей.

Санитарный персоналъ.

Въ Сербіи, равно какъ и въ Черногоріи, намъ приходилось работать съ студентами-медиками, фельдшерами и сестрами милосердія. Нерѣдко случается слышать сравненія лицъ всѣхъ этихъ категорій, при чемъ одинъ выставляетъ преимущества студентовъ, другой—фельдшеровъ, а третій говоритъ, что мнѣ надо сестеръ и никакого больше. На практикѣ всѣ эти взгляды оказываются весьма односторонними. На первомъ же шагѣ санитарной дѣятельности на театрѣ военныхъ дѣйствій убѣждаешься, что всѣ эти помощники врачу необходимы, что они вовсе не исключаютъ а, напротивъ, пополняютъ другъ друга, и что врачъ, желающій честно вести дѣло, непременно долженъ стремиться приобрести для своей больницы и студентовъ, и фельдшеровъ, и сестеръ милосердія.

Студентъ, хотя бы и III курса, человѣкъ образованный: кромѣ общаго развитія онъ образованъ и медицински въ извѣстной степени. Если онъ въ технику наложенія повязокъ, простыхъ и, въ особенности, неподвижныхъ, часто и уступить хорошо обученному и привычному къ своему дѣлу фельдшеру, то зато

494630
вы на перваго весьма часто можете положиться, какъ на самостоятельнаго дѣятеля, что нерѣдко бываетъ необходимо по причинѣ недостатка во врачахъ—явленія обыкновеннаго во время всякой войны. Если въ извѣстномъ пунктѣ находится только одинъ врачъ, между тѣмъ является настоятельная необходимость ему на время отлучиться, напр., для дѣятельности при войскахъ и т. п., то положиться онъ можетъ только на студента и только ему поручить завѣдываніе госпиталемъ, потому что студентъ всегда менѣе растеряется, чѣмъ фельдшеръ или сестра, которые не привыкли задумываться надъ медицинскими вопросами, и въ состояніи только исполнять приказанія врача. Такъ мнѣ, въ бытность мою въ Даниловградѣ, неоднократно приходилось отправляться въ лагерь во время сраженій, для помощи раненымъ, и тѣмъ не менѣе дѣятельность въ даниловградскомъ госпиталѣ, въ который продолжали прибывать раненные, не остановилась благодаря двумъ моимъ помощникамъ студентамъ, съ большою пользою замѣнявшихъ меня въ мое отсутствіе. Кромѣ того, въ военное время всегда бываетъ недостатокъ во врачахъ, и военный врачъ обыкновенно имѣетъ въ своемъ завѣдываніи больныхъ свыше силъ, такъ что не имѣетъ физической возможности слѣдить за каждымъ изъ нихъ лично. Вотъ въ этомъ случаѣ для врача опять необходимъ студентъ, который бы извѣстную часть больныхъ велъ болѣе или менѣе самостоятельно. Во время моей дѣятельности въ Даниловградѣ, я былъ занятъ всецѣло ранеными. Но, кромѣ раненныхъ, было значительное число больныхъ внутреннихъ и особенно много амбулаторныхъ изъ окрестныхъ селъ. Если-бы въ моемъ распоряженіи не было двухъ весьма свѣдущихъ и дѣятельныхъ студентовъ медико-хирургической академіи, я-бы былъ вынужденъ закрыть амбулаторный покой и прекратить пріемъ въ больницу внутреннихъ больныхъ.

Раздававшіяся не разъ, въ особенности во время сербской войны, нареканія со стороны врачей на студентовъ болѣею частію происходили вслѣдствіе неопредѣленности отношеній между тѣми и другими. Какъ въ Сербію такъ и въ Черногорію студенты de jure ѣхали на правахъ фельдшеровъ и должны были нести всѣ обязанности послѣднихъ. Врачи, помня это усло-

віе, весьма часто относились къ студентамъ, какъ къ фельдшерамъ обращаясь съ приказаніями, въ которыхъ иногда звучалъ оскорбительный для студентовъ тонъ, сдѣлать то и то напр., вычистить инструменты, приготовить порошки и т. п. Конечно, все это они обязаны были исполнять, и обыкновенно они не отказывались. Но, если врачъ напускалъ на себя важный, начальническій видъ, студенты часто не выдерживали и протестовали. Вполнѣ ясно, что тутъ все дѣло въ самолюбіи: если-бы врачъ отнесся и съ приказаніемъ къ студенту, но не какъ къ фельдшеру, а какъ къ своему будущему товарищу, никакихъ разногласій и протестовъ не могло-бы быть. Въ виду всего этого, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній между студентами и врачами, необходимо выяснить отношенія другъ къ другу тѣхъ и другихъ. Необходимо дать студенту не фельдшерскія права, а права, напр., лѣкарскаго помощника, — какъ это практикуется въ Австріи, гдѣ студенты, занимаясь въ больницахъ, называются Assistentärzte, — чтобы врачъ не видѣлъ въ нихъ простыхъ фельдшеровъ, а видѣлъ бы своихъ помощниковъ, имѣющихъ право на нѣкоторую самостоятельность.

Затѣмъ для военного врача необходимъ и фельдшеръ, который бы умѣлъ искусно накладывать повязки. Гдѣ врачъ имѣетъ время осмотрѣть лично всѣхъ больныхъ при каждой визитаціи и назначить то или другое лѣченіе, никто лучше и точнѣе фельдшера не исполнитъ прописаннаго. Поэтому, если больныхъ или раненныхъ у врача столько, что онъ непосредственно можетъ за всѣми ими слѣдить, то онъ можетъ обойтись и безъ студента, съ однимъ фельдшеромъ. Что касается фельдшеровъ, то я считаю долгомъ заявить, что особенно хорошими качествами отличаются фельдшера, выходящіе изъ петербургской военно-фельдшерской школы. Они самые усердные исполнители, такъ что ихъ нельзя сравнивать съ прочими фельдшерами, между которыми нерѣдко пьанство и другіе пороки.

Сестры милосердія незамѣнимы въ отношеніи госпитальнаго хозяйства и, въ особенности, ухода за больными. Студентъ смотритъ на больного, или раненаго, какъ на извѣстнаго рода матеріаль, на которомъ онъ и старается, какъ можно болѣе, научиться. Фельдшеръ старается возможно скорѣе исполнить

всѣ приказанія врача, и потомъ уходить изъ больницы, считая свои обязанности исполненными. И только сестра видитъ въ больномъ или раненномъ страдающаго человѣка и старается всѣми, зависящими отъ нея, мѣрами облегчить его страданія. Она придетъ и послѣдитъ, накормлены ли больные и спроситъ каждаго, не нуждается-ли онъ въ чемъ-нибудь. Въ этомъ отношеніи мы должны отозваться съ особенною похвалою о сестрахъ милосердія покровской общины, проводшихъ лѣто и осень 1877 года въ Черногоріи.

Если врачъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи лицъ всѣхъ этихъ трехъ категорій и сумѣетъ опредѣлить отношенія ихъ между собою и, въ особенности, свои собственныя къ нимъ, сумѣетъ распредѣлить между ними занятія такъ, чтобы не было никакихъ столкновеній, то его больница будетъ представлять стройное цѣлое, и дѣло лѣченія пойдетъ, какъ нельзя болѣе хорошо.

Что же касается до госпитальной прислуги, то намъ приходилось имѣть дѣло въ Сербіи съ мужскою прислугою изъ солдатъ, а въ Черногоріи, кромѣ Даниловграда, — гдѣ была прислуга изъ болгаръ-добровольцевъ, выходцевъ изъ Константинополя, — съ женскою вольнонаемною. Женская прислуга, какъ всѣми признается, чистоплотнѣе мужской, но въ Черногоріи она представляла то неудобство, что очень часто мѣнялась. Бывало, не успѣешь одну научить держать, поднимать и опускать ирригаторъ (безъ крана), какъ уже, смотришь, появляется на ея мѣсто другая. Въ этомъ отношеніи было лучше въ Сербіи, гдѣ прислуга находилась въ полномъ распоряженіи врача, какъ начальника больницы, и дорожила своимъ мѣстомъ, потому что въ случаѣ неисправности, служащій при больницѣ переводился въ полковую санитарную команду.

Народная самопомощь раненымъ въ Черногоріи.

Такъ какъ черногорцы вѣками ведутъ почти постоянную войну съ турками, то у нихъ выработалось много правилъ и приспособленій для помощи раненымъ, вошедшихъ въ народные обычаи, — подобно тому, какъ у насъ въ народѣ есть свои

правила, по которымъ производится повитухами помощь при родахъ. Въ Черногоріи существуетъ даже особое привѣтствіе, пожеланіе раненымъ. Когда черногорецъ встрѣчаетъ раненнаго въ первый разъ послѣ нанесенія ему раны, онъ прежде всего говоритъ: «Срѣчна ти рана», т. е., счастливой раны, точь въ точь такъ, какъ въ другихъ случаяхъ говорятъ счастливаго пути, покойной ночи и т. п. Этотъ фактъ наглядно доказываетъ, насколько раны въ Черногоріи составляютъ обычное явленіе; для нихъ выработалось даже особое привѣтствіе.

Вынеся тяжело раненныхъ и, по возможности, убитыхъ съ поля сраженія, черногорцы кладутъ первыхъ гдѣ-нибудь въ тѣни близъ ручья, напоивъ ихъ водою и т. д. Только послѣ того, какъ всѣ раненные съ поля сраженія будутъ вынесены и уложены въ одно мѣсто, черногорцы приступаютъ къ изготовленію носилокъ. Носилки всегда у нихъ дѣлаются по одному образцу; по крайней мѣрѣ, сколько я не видѣлъ, всѣ были одинаковаго устройства. И въ этомъ случаѣ практика научила черногорцевъ дѣлать носилки и самыя простыя, и сравнительно удобныя. Для изготовленія ихъ берутъ два кола, вырубая ихъ изъ перваго попавшагося кустарника, одинаковой длины, примѣрно въ сажень или нѣсколько болѣе, смотря по росту раненнаго. Положивъ эти колья параллельно на такомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы между ними послѣ можно было бы просунуть головы носильщиковъ, — кладутъ на нихъ поперечныя палки длиною около аршина или нѣсколько менѣе на разстояніи 2—3 вершковъ одну отъ другой, оставивъ свободными только концы кольевъ, чтобы можно было за нихъ взяться. Устроенныя такимъ образомъ носилки связываютъ кушакомъ, который у черногорцевъ имѣетъ чрезвычайную длину и которымъ животъ опоясывается много разъ. Сверхъ всего этого носилки покрываются сѣномъ или травой, чтобы скрыть ихъ неровности; подъ голову раненному кладутъ сложенный въ нѣсколько разъ кафтанъ, и потомъ привязываютъ его въ нѣсколькихъ мѣстахъ тѣмъ же кушакомъ, чтобы онъ лежалъ вполне неподвижно. Удобство этихъ носилокъ, кромѣ крайней ихъ простоты, состоитъ въ томъ, что для носки раненнаго требуется всего только два чело-вѣка, которые, просунувъ головы между концами кольевъ, кладутъ послѣдніе себѣ на плечи. И обыкновенныя носилки, упо-

требляемая въ регулярныхъ войскахъ, могутъ нести тоже двое, но черногорскія удобнѣе тѣмъ, что въ нихъ вся тяжесть падаетъ на плечи, тогда какъ въ первыхъ она почти вся сосредоточивается на рукахъ носильщиковъ. Въ европейскихъ арміяхъ, въ случаѣ крайняго недостатка въ носилкахъ, импровизируютъ ихъ изъ натянутыхъ на ружья шинелей. У черногорцевъ же одежда настолько легка и непрочна, что вовсе исключаетъ подобное употребленіе. Поэтому черногорцы всегда прибѣгаютъ къ приготовленію описанныхъ носилокъ. Тѣмъ не менѣе, когда мы доставляли имъ наши обыкновенныя носилки, черногорцы бросали свои, и раненныхъ сейчасъ же перекладывали на наши, имѣя въ виду, конечно, удобство раненныхъ. Но зато тогда уже несли каждаго раненнаго четверо, держа носилки на плечахъ.

Относительно дальнѣйшей помощи раненымъ въ Черногоріи, нужно имѣть въ виду, что медицинской части, такъ или иначе организованной, въ Черногоріи не существуетъ вовсе. На основаніи того, что при князѣ есть врачъ французъ, и то, кажется, содержимый на средства французскаго правительства и что, напр., въ Даниловградѣ есть одинъ какой-то фельдшеръ турокъ, пускающій кровь всѣмъ, къ нему обращающимся, конечно, никоимъ образомъ нельзя заключать, что въ Черногоріи имѣется какая-либо медицинская часть. Если-бы съ началомъ восточной войны не послалъ русскій Красный Крестъ врачебнаго персонала и всѣхъ средствъ для санитарной помощи, то черногорцы были бы предоставлены на произволъ судьбы и во время этой войны. Поэтому-то они привыкли издавна сами себѣ помогать по мѣрѣ силъ и умѣнья. Точно также, какъ у насъ въ деревняхъ, всякая баба рожавшая 10 разъ, считается уже опытною въ акушерскомъ дѣлѣ, всякій черногорецъ, дважды или трижды раненный на своемъ вѣку,—а такихъ въ Черногоріи благодаря постояннымъ войнамъ весьма много,—считается уже докторомъ и при томъ настолько опытнымъ въ хирургіи, что, не задумываясь, приступаетъ къ разрѣзамъ для извлеченія пуль. Узнавъ, что въ деревнѣ Челія, въ Брдской части Черногоріи, находится много раненныхъ, я обратился съ вопросомъ къ Даниловградскому начальнику, «есть-ли при нихъ докторъ», и онъ, ни мало не задумываясь отвѣтилъ: «да, есть»; и

только потомъ прибавилъ, что этотъ докторъ ни болѣе ни менѣе, какъ простой черногорецъ, дважды раненный. Послѣ сраженія при горѣ Планѣ близъ Даниловграда, перевязавъ и подавъ возможную помощь всѣмъ раненымъ въ самомъ лагерѣ, я узналъ, что еще нѣсколько человѣкъ отправились уже по пути въ Рѣку, селеніе, находящееся въ 2-хъ часахъ отъ Цетинье, и поѣхалъ догонять этотъ транспортъ. Проѣхавъ верстъ пять, я нашелъ его расположеннымъ близъ ручья, при чемъ одинъ изъ черногорцевъ занимался удаленіемъ пуль, засѣвшихъ въ ранахъ. Какъ только я подѣхалъ, онъ сейчасъ же обратился ко мнѣ съ просьбою извлечь пулю, засѣвшую въ области лопатки и имъ уже прощупанную. Разрѣзъ кожи и подкожной клетчатки былъ уже сдѣланъ, такъ что на мою долю осталось разрѣзать фасцію и извлечь пулю корнцангомъ. Далѣе, когда я подошелъ къ раненному въ животъ въ область пупка, то тотъ же черногорецъ-докторъ заявилъ, что пуля имъ уже извлечена черезъ разрѣзъ сзади въ поясничной области. Такимъ образомъ я на этотъ разъ очутился въ роли консультанта! Однимъ словомъ, удаленіе пуль самими черногорцами есть вполне обычное явленіе. Разрѣзы съ этою цѣлью они дѣлаютъ обыкновеннымъ ножомъ, который носятъ при себѣ за поясомъ вмѣстѣ съ ятаганомъ. Говорятъ, что эта операція производится слѣдующимъ страннымъ образомъ: на подлежащее разрѣзу мѣсто наставляется одною рукою лезвіе ножа неподвижно, и затѣмъ операторъ кулакомъ ударяетъ по его спинкѣ. Такая операція повторяется до тѣхъ поръ, пока не получится требуемой длины и глубины разрѣзъ. Самъ я производства этой въ высшей степени любопытной и своеобразной операціи не видалъ, и описываю ее со словъ другихъ. Видѣнные же мною раны послѣ такихъ разрѣзовъ всегда представляли неровные края, что говорить въ пользу того, что разрѣзъ былъ сдѣланъ въ нѣсколько приѣмовъ и крайне грубымъ способомъ. Вѣроятно, бывали случаи пораненія и большихъ сосудовъ такими операторами, хотя я о нихъ не слыхалъ. На эту мысль наводитъ то обстоятельство, что когда приступаешь къ операціи, черногорцы всегда просятъ не перерѣзать жилы и при малѣйшемъ кровотеченіи послѣ разрѣза громко между собою разсуждаютъ о томъ, что

докторъ перерѣзалъ жилу, въ увѣренности, что докторъ ихъ языка не понимаетъ. Значить, хранятся въ народной памяти случаи подобнаго перерѣзыванія жилъ.

Перевязка раненныхъ черногорцами производится обыкновенно индифферентными средствами, въ ряду которыхъ, какъ кажется, не послѣднее мѣсто занимаетъ водка (ракія). Къ намъ въ цетинскій госпиталь (Билиардо), уже въ концѣ лѣта поступилъ раненный со сросшимся уже переломомъ бедра на границѣ нижней и средней трети (Филиппъ Миловичъ, раненъ 11-го іюня подъ острогомъ). Кость срослась въ положеніи совершенно правильномъ при незначительномъ укороченіи конечности. Выходная и входная раны еще представляли нагноеніе изъ глубины канала, но самое умѣренное. Раны представляли чистыя грануляціонныя поверхности. Больной этотъ все время оставался въ своемъ селѣ и былъ лечимъ самими черногорцами. Перевязывали его водкой. Излѣченный съ такимъ успѣхомъ въ деревнѣ, этотъ раненный въ нашемъ госпиталѣ, вѣроятно благодаря его «конституціи», скоро началъ лихорадить; по бедру пошли гнойные затеки, и въ такомъ незавидномъ состояніи онъ остался и послѣ моего отѣзда. Можетъ быть, на столь неблагоприятное теченіе болѣзни оказало вліяніе то, что больной былъ положенъ въ нижній этажъ Билиардо (см. выше), потому что первое время его считали выздоравливающимъ.

Въ Черногоріи есть цѣлое семейство (Иличковичи), которое занимается лѣченіемъ больныхъ и раненныхъ и въ которомъ искусство врачеванія передается отъ отца къ сыну и такъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Иличковичи производятъ и операціи извлеченія пуль и секвестровъ, и пользуются въ народѣ такою популярностію, что надо сознаться, бывали правда, нечасто, и такіе случаи, гдѣ раненные изъ нашего госпиталя уходили для лѣченія къ нимъ. Самъ я не имѣлъ случая ознакомиться съ ихъ дѣятельностію, но кое-что слышалъ о ихъ способѣ лѣченія; напр., при заживленіи пулевыхъ каналовъ они черезъ каждое отверстіе вводятъ по турундѣ изъ холста, и съ каждымъ днемъ укорачиваютъ ихъ, постепенно извлекая, и такъ до окончательнаго заращенія канала ¹⁾.

¹⁾ Относительно санитарной части въ Черногоріи см. Военно-Медицинскій журналъ, іюль 1877 года: Санитарная часть турецко-сербско-черногорской

Членовредительство въ Сербіи.

Къ особенностямъ сербско-турецкой войны относится громадное распространение членовредительства между сербскими солдатами съ цѣлью уклоненія отъ военной службы.

Изъ военныхъ хирургій въ хирургіи Нейдерфера мы находимъ нѣкоторыя указанія относительно членовредительства на войнѣ. Онъ говоритъ, что не всѣ солдаты герои и поэтому членовредительство существуетъ во всѣхъ арміяхъ, но только въ военныхъ хирургіяхъ его обыкновенно обходятъ молчаніемъ. Затѣмъ онъ говоритъ, что трусливые воины для этой цѣли выбираютъ или мизинецъ, или палецъ ноги, или вообще послѣднюю фалангу котораго-либо пальца ¹⁾).

Къ чести черногорцевъ надобно сказать, что у нихъ немислимо не только членовредительство, но и вообще уклоненіе отъ службы въ какомъ-бы то ни было видѣ. Въ Черногоріи не существуетъ рекрутскихъ наборовъ, и со стороны князя достаточно только объявить о походѣ, чтобы явились въ войско всѣ способные носить оружіе. И послѣ при лѣченіи нужно было зорко слѣдить затѣмъ, чтобы черногорецъ, еще недостаточно оправившись отъ болѣзни, не ушелъ въ войско. Въ Даниловградѣ были такіе случаи: загремѣли пушки и затрещали ружья подъ Спужемъ въ 2-хъ верстахъ отъ Даниловграда, и половина нашихъ больныхъ убѣжали на сраженіе схвативъ ружья. Даже прислуга и та убѣжала на сраженіе, бросивъ больныхъ, и мы одни должны были перевязывать раненныхъ.

Въ Сербіи было не то. Тамъ солдаты употребляли всѣ старанія, чтобы уйти изъ войска и главною задачею врача, состоящаго при войскѣ, было распознать симулянта отъ истиннаго больного. Симулировали всевозможныя болѣзни; между прочимъ, я видѣлъ нѣсколько случаевъ симуляціи контрактуръ.

войны 1876 года, д-ра *Фрѣлиха*, пер. *Лебидинскаго*, стр. 128; а также статью, проф. *Склифосовскаго*, Изъ наблюденій во время славянской войны, 1876 г., помѣщенную въ томъ-же журналѣ за ноябрь 1876 г., стр. 256.

¹⁾ *Neudörfer*, Handbuch der Kriegschirg., т. I, стр. 50.

Хорошо помню одного серба на Янковой Клисурѣ, который держалъ руку, согнутою въ локтѣ, и увѣрялъ, что не можетъ ее разогнуть. Я началъ его усердно спрашивать, а онъ началъ описывать свою болѣзнь и, вдавшись въ подробности, позабылъ держать руку въ согнутомъ положеніи и я, во время этихъ разговоровъ, легко ее разогнулъ. Съ одной стороны, всегда легко поддаться на удочку симулянту и признать его больнымъ, съ другой—легко заподозрить истинно больного въ симуляціи. Это дѣлало положеніе врача при сербскихъ войскахъ чрезвычайно тягостнымъ. При малѣйшихъ послабленіяхъ со стороны врача командиры сѣвши заявить, что они рискуютъ остаться безъ войска: все будетъ отпущено врачомъ на поправку или на испытаніе. Между тѣмъ при болѣе строгомъ отношеніи къ заболѣвающимъ, врача ужасала нравственная отвѣтственность и не выходило изъ головы, „а что, если больного отправилъ назадъ на позиціи». При массѣ же больныхъ, требующихъ освидѣтельствованія, тщательная діагностика немислима. Рассказывали мнѣ офицеры возмутительный фактъ объ одномъ врачѣ изъ американскихъ евреевъ, бывшемъ до моего пріѣзда на Янковой Клисурѣ. Онъ одного изъ пришедшихъ къ нему больныхъ призналъ за здороваго и послалъ обратно въ войско, но тотъ, не дойдя до лагеря умеръ. Во избѣжаніе крупныхъ ошибокъ въ діагностикѣ, мы, въ бытность на Янковой Клисурѣ, устроили въ деревнѣ Разбоинѣ въ двухъ верстахъ пунетъ, въ которомъ по нѣскольку дней оставались сомнительные больные на испытаніи. Студентъ Е. мѣрялъ имъ температуру и вообще слѣдилъ за болѣзнью и, сообразно наблюденіямъ, назначалъ ихъ или назадъ въ войско, или въ какую-либо постоянную больницу. Но скоро студента Е. смѣнилъ лѣварскій помощникъ изъ чеховъ, большой пьяница, и дѣло мое опять стало въ затруднительное положеніе.

Если не удавались никакія мѣры обмана, и врачъ открывалъ притворство, то сербскій солдатъ не задумывался и прибѣгалъ для избѣжанія опасности на войнѣ къ послѣднему средству, членовредительству. Ранили себѣ всегда ручную кисть и по бѣльшей части пальцы руки, предпочитая при этомъ лѣвую руку. Не знаю, когда было начало этого рода раненій, но послѣ

сражений подъ Алексинцемъ, въ десятихъ числахъ августа, я имѣлъ возможность наблюдать ихъ въ огромномъ числѣ. Такіе раненные шли пѣшкомъ и обыкновенно не были оставляемы въ лазаретахъ, а отправлялись по домамъ, что для нихъ и требовалось, съ тѣмъ условіемъ, чтобы черезъ извѣстное число дней являлись въ ближайшую больницу для освидѣтельствованія. Такимъ образомъ наблюдать подобныхъ раненныхъ въ больницахъ почти не приходилось, а можно было видѣть ихъ при транспортѣ, въ этапныхъ пунктахъ, въ амбулаторныхъ покоехъ и на перевязочныхъ пунктахъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ они положительно преслѣдовали врача. Въ этапныхъ пунктахъ они требовали перевязки, въ амбулаторныхъ покоехъ и перевязочныхъ пунктахъ подписи такъ называемой объявы, т. е., записки, по которой такого рода больной могъ бы безнаказанно оставаться въ своей деревнѣ.

Къ сожалѣнію, я не имѣлъ физической возможности записывать всѣхъ подобныхъ раненныхъ и не могу поэтому представить цифръ, показывающихъ ихъ процентъ по отношенію къ дѣйствительно раненнымъ. Но, я думаю, не будетъ преувеличеніемъ, если принять 60, даже 70% этого рода раненій по отношенію къ общему числу ранъ. Повторяю, въ больницахъ ихъ почти вовсе не было, но по домамъ было отпущено масса. Въ Парачинѣ не было болѣе 2—3 дѣйствительно раненныхъ на полѣ сраженія изъ 10 раненныхъ вообще, что можно было замѣтить при перевязкѣ проходившихъ мимо раненныхъ. Въ Крушевцѣ въ 1-й военной больницѣ въ первыхъ числахъ сентября громадное большинство амбулаторныхъ раненныхъ представляли раны ручной кисти и пальцевъ. У меня ясно сохранились въ памяти двое раненныхъ въ лѣвую ручную кисть. Оба были ранены совершенно одинаковымъ образомъ въ одно и тоже мѣсто: пуля вошла по срединѣ ладони и вышла тоже на срединѣ тыльной поверхности ручной кисти. Затѣмъ оба они были изъ одной деревни, были ранены въ одинъ и тотъ же день, служили въ одной ротѣ и потомъ были отпускаемы домой всегда на одно и тоже число дней, потому что одинаковыя ихъ раны и заживали съ одинаковою скоростію, такъ что они являлись всегда вмѣстѣ, точно какіе-нибудь близнецы. Они даже были настоль-

ко откровенны, что только смѣялись, когда имъ заявляли, что ихъ ранили не турки, а они сами.

Чтобы показать наглядно число ранъ пальцевъ и ихъ отношеніе къ общему числу ранъ, я приведу слѣдующую, сохранившуюся у меня, записъ раненныхъ послѣ небольшой стычки на Янковой Клисурѣ, бывшей 25 сентября.

№№	Имена и фамиліи раненныхъ.	Какой бригады	Какого батал.	Какой роты.	Раны.	Операцин.
1	Илія Петровичъ	Валевской	2	3	Vuln. sclop. pollicis d. cum fractura.	Amput. pollicis.
2	Илія Юкичъ		4		V. scl. antithen. d.	»
3	Радосавъ Михайловичъ (доброволецъ изъ Старой Сербіи)				Vuln. sclop. humeri sine fract.	»
4	Богачъ Живковичъ . .		1	1		
			1	2	Vuln. sclop. indicis dextri cum. fract.	Exarticulatio indicis d.
5	Никола Янковичъ . . .		1	2	Vuln. sclop. ind. sin. cum fractura.	Amputatio.
6	Драгое Троицъ		1	2	Vuln. sclop. ind. d. cum fractura.	Amputatio phalangi II-dae.
7	Меливой Остоичъ . . .		1	2	Vuln. sclop. ind. d. cum fractura.	Amputatio.
8	Вуйо Алексичъ		1	2	Vuln. sclop. dig. min. d. cum. fract.	Exarticulatio.
9	Весо Лазичъ		1	2	V. scl. ind. d. et digiti III d. cum fract.	Exarticulatio indicis.
10	Матия Пуричъ		1	2	Желобоватая рана(?)	Exarticulatio indicis.
11	Милицовъ Арсичъ . . .		1	2	Contusio pectoris.	Exarticulatio indicis.
12	Петоръ Вилетовичъ . .		1	2	Vuln. sclop. poll. d. cum fract.	Amputatio.
13	NN		—	—	Vuln. sclop. poll. d.	»

Какъ ясно видно изъ приведенной таблицы, только трое изъ 13 раненныхъ могутъ быть отнесены къ дѣйствительно раненымъ въ сраженіи; раны же остальныхъ 10 человѣкъ съ под-

ною вѣроятностью можно считать за членовредительство. Очевидно, сербскіе солдаты не щадили своихъ пальцевъ, прострѣливая насквозь кости, осколки которыхъ обыкновенно торчали изъ ранъ. Часто были вскрыты при этомъ и составчики между фалангами. Правда, въ первое сраженіе на Янковой Клисурѣ, въ которомъ я принималъ участіе въ качествѣ врача, именно 18 сентября, изъ 20 раненныхъ около половины были несомнѣнно ранены во время битвы непріателемъ; но, къ сожалѣнію, эти раненные, кромѣ нѣкоторыхъ болѣе серьезныхъ, не попали въ мои записки.

Вообще всѣ врачи свидѣтельствовали о громадномъ числѣ членовредительствъ въ сербскихъ войскахъ. Такъ мнѣ передавали, что послѣ сраженій подъ Дюнисомъ въ крушевацкой больницѣ выносили цѣлые тазы ампутированныхъ пальцевъ. Членовредительство было просто какой-то нравственной эпидеміей, охватывавшей сербскія войска все болѣе и болѣе по мѣрѣ ихъ поражений. Одинъ бригадный командиръ изъ русскихъ добровольцевъ баронъ В. сообщилъ мнѣ, что во время сраженія на Дюнисѣ, рѣшившаго сербско-турецкую войну 1876 г., одинъ батальонъ его бригады вовсе не участвовалъ въ сраженіи и оставался внѣ сферы огня, тѣмъ не менѣе изъ него явилось нѣсколько раненныхъ въ пальцы. Вѣроятно, они рассчитывали, что ихъ батальонъ непременно будетъ въ огнѣ и потому уже раньше запаслись ранами, чтобы не подвергнуться болѣе опасости.

Дѣйствительно ли всѣ эти раненія пальцевъ и вообще ручной кисти должны быть разсматриваемы, какъ случаи членовредительства? Этотъ вопросъ нѣкоторые врачи склонны были рѣшать и въ отрицательномъ смыслѣ. Одни говорили, что такая частота ранъ пальцевъ руки зависитъ отъ неумѣнія сербовъ обращаться съ собственнымъ оружіемъ, т. е., отъ нечаянныхъ выстрѣловъ, а другіе заявляли, что вообще ручная кисть подвергается особенно частому раненію вслѣдствіе того, что солдатъ протягиваетъ всегда руки впередъ вмѣстѣ съ оружіемъ въ то время, какъ весь остальной свой корпусъ прячетъ за какое-либо прикрытіе. Послѣднее предположеніе легко опровергается статистикою другихъ войнъ. Такъ у Демме, представившаго цифры изъ итальянской войны, мы находимъ на общее число 2000

ранъ верхнихъ конечностей, 460 ранъ ручной кисти и пальцевъ, что составитъ 23% ¹⁾); по отношенію же къ общему числу всѣхъ ранъ онъ находитъ у австрійскихъ раненныхъ 7% ранъ ручной кисти, а у франко-сардинскихъ нѣсколько болѣе, именно 8,2% ²⁾). Нейдерферъ приводитъ подобныя же цифры, взятыя имъ у Шёню, относительно ранъ во время крымской войны во французской арміи: изъ 8091 поврежденія верхнихъ конечностей, 2551 рана относились къ ручной кисти и пальцамъ. Въ итальянскую же войну во французской арміи на 6183 поврежденія верхнихъ конечностей, 3162 относились къ ручной кисти и пальцамъ ³⁾). Хотя по статистикѣ Нейдерфера ранъ ручной кисти и пальцевъ и больше, чѣмъ по статистикѣ Демме, однако, число ихъ всё-таки не превышаетъ половины всѣхъ ранъ верхнихъ конечностей; тогда какъ въ Сербіи смѣло можно отнести, по крайней мѣрѣ, половину или даже 60—70% ранъ всѣхъ областей тѣла къ ранамъ ручной кисти и пальцевъ. Мы, къ сожалѣнію, не можемъ представить точныхъ цифръ по этому вопросу, но вѣроятно, онѣ появятся отъ врачей, работавшихъ на перевязочномъ пунктѣ, черезъ руки которыхъ проходили раненные всѣхъ видовъ безъ изыятія.

Въ Черногоріи мы на 355 раненныхъ имѣли только 11 раненныхъ въ ручную кисть и пальцы. Конечно, при этомъ нужно имѣть въ виду, что черногорцы съ легкими ранами не являются въ госпиталь. Но и сразу послѣ сраженій, когда я въ лагерьъ видѣлъ всѣхъ раненныхъ черногорцевъ, на 114 ранъ было только 5 раненныхъ въ ручную кисть. Въ Сербіи почти всѣ раны пальцевъ были соединены съ поврежденіемъ костей, а такіе раненные уже не скрылись бы отъ меня и въ Черногоріи, потому что они требуютъ врачебнаго и большею частью оперативнаго пособія. Почти тождественныя цифры съ нашими черногорскими цифрами мы находимъ у Бека, баденскаго врача, за походъ 1866 года: на 238 раненныхъ онъ имѣлъ 6 ранъ ручной кисти и 4 раны пальцевъ, т. е., тѣхъ и другихъ около 4% ¹⁾).

¹⁾ Demme, Militär-chir. Studien in den italien. Lazar., 1859, тетр. 2, стр. 201.

²⁾ Тамже, стр. 19 и 20.

³⁾ Neudorfer, Handb. der Kriegschir., т. 2, стр. 4110.

⁴⁾ Kriegschir. Erfahrung, стр. 25.

Затѣмъ въ пользу того, что по крайней мѣрѣ большая часть ранъ ручной кисти и пальцевъ въ Сербіи относились къ членовредительству говорить и то обстоятельство, что у добровольцевъ русскихъ, — которыхъ между ранеными было весьма много, потому что отчаянная ихъ храбрость всѣмъ извѣстна, — раны пальцевъ или ручной кисти были рѣдкостію, а между тѣмъ они-то ужъ больницы избѣжать не могли и явились бы, не смотря на легкость раны, въ госпиталь, такъ какъ дѣваться имъ было положительно некуда.

Наконецъ самый характеръ и видъ ранъ пальцевъ и ручной кисти ясно указывали на ихъ происхожденіе отъ руки самаго раненнаго. Вся окружность раны носила черную окраску отъ пороха, представлялась какъ бы закоптѣлою. Иногда при этомъ была и ожога. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ выстрѣлъ былъ направленъ въ ладонь, получилоcь небольшой величины входное отверстіе и весьма обширное выходное. Послѣднее обыкновенно распространялось на весь тылъ ручной кисти, и дно его составляла масса мелкихъ осколковъ. Очевидно благодаря тому, что вмѣстѣ съ пулею вылетали и костные осколки, и была столь велика выходная рана. На пальцахъ же обыкновенно обѣ раны и входная, и выходная сливались вмѣстѣ, и часть пальца ниже раны висѣла на мягкихъ частяхъ, иногда на уцѣлѣвшей лишь кожѣ, иногда на однихъ сухожиліяхъ.

Возможность нечаянныхъ выстрѣловъ отъ неумѣнья обращаться съ ружьями со стороны сербскихъ солдатъ я допускаю, потому что самъ былъ свидѣтелемъ такого факта. Послѣ рекогносцировки стояла въ строю рота впереди аванпостовъ; передъ нею, кромѣ командира, сидѣли на лошадяхъ я и студентъ Е. Вдругъ раздался выстрѣлъ и пуля прожужжала около головы студента Е. Значить, такіе случаи возможны, что солдаты сами себя ранили по нечаянности, какъ въ данномъ случаѣ. Но тѣмъ не менѣе всѣхъ случаевъ ранъ пальцевъ и ручной кисти объяснить неосторожнымъ обращеніемъ съ оружіемъ нельзя. Да въ такомъ случаѣ раненному не было бы и надобности скрывать происхожденіе раны. Между тѣмъ слышать отъ раненныхъ объ этого рода происхожденіи ранъ вовсе не приходилось.

Потомъ многіе изъ раненныхъ, нанесшихъ раны сами себѣ,

видя наше индифферентное къ нимъ отношеніе въ смыслѣ ихъ преслѣдованія за членовредительство, вовсе и не скрывали того, что они сами себя ранили и даже открыто заявляли свою радость по поводу скорого свиданія со своими семействами и оставленія ненавистныхъ позицій.

О причинахъ такого печальнаго факта, какъ членовредительство, я много распространяться не буду. Для Сербіи война съ турками была непосильна, и поэтому она вынуждена была напрягать всѣ свои небольшія силы. Брала въ войско всякаго способнаго, а иногда даже и неспособнаго носить оружіе. Въ Крушевцѣ былъ больничный служитель, у котораго всѣ шесть братьевъ были на службѣ, и самъ онъ тоже находился на военной службѣ, хотя и нестроевой. Въ Крушевцѣ же былъ одинъ раненный съ огнестрѣльнымъ переломомъ бедренной кости, уже старикъ. Не считая его самаго, три его сына были тоже всѣ въ войскѣ. Порядки или, вѣрнѣе, безпорядки сербскіе извѣстны. Часто въ деревняхъ повторные рекрутскіе наборы зависѣли только отъ волостныхъ старшинъ (эта должность въ Сербіи носить другое названіе), которые изъ корыстныхъ видовъ оставляли дома способныхъ и посылали на войну неспособныхъ. Одинъ разъ, именно 30 сентября на Янковой Клисурѣ, мнѣ пришлось осматривать новобранцевъ, пригнанныхъ съ другаго конца Сербіи (изъ Валева) безъ всякаго освидѣтельствствованія. Привели, кого удалось захватить. За неимѣніемъ времени освидѣтельствствованы были только тѣ, которые сами заявили о своей болѣзни. Изъ общаго числа 300 рекрутовъ 15 человекъ были забракованы вслѣдствіе крайней молодости, — имъ на видъ и по распросу были менѣе 15 лѣтъ, — и 12 по причинѣ дряхлой старости, — стариковъ бодрыхъ на видъ брали. Затѣмъ были забракованы еще 20 человекъ вслѣдствіе различныхъ болѣзней; въ томъ числѣ 9 по причинѣ паховой грыжи. — При подобномъ способѣ набора войска, конечно, можно ожидать всего худшаго и членовредительство, какъ крайняя степень протеста, между солдатами неудивительно. Кромѣ того, содержаніе войска было крайне жалкое. У многихъ солдатъ не было никакой одежды, кромѣ рубашки и штановъ; въ подобномъ костюмѣ я видѣлъ даже стражу около квартиръ главнокомандующаго, не говоря уже о захоlustяхъ. А

если у кого была хотя одна только шинель безъ сюртука, тотъ уже былъ панъ. При недостаткѣ одежды и нечистоплотности, которою отличаются сербы, незнающіе бань и незапасающіе вовсе бѣлья при поступленіи на службу, обходясь все время съ одной и той-же рубашкой, между солдатами стала появляться экцема по всему тѣлу, съ переходомъ въ язвы ¹⁾ и т. д. Далѣе, почти постоянныя пораженія и продолжительность войны, на которую пошли какъ бы случайно, дѣйствовали на духъ войска убивающимъ образомъ. Сербы, мирные и сытые земледѣльцы, которыхъ никто не притѣснялъ и тѣмъ менѣе турки, конечно, не могли понимать великихъ задачъ политики восточнаго вопроса, тѣмъ болѣе, что они весьма долгое время наслаждались миромъ при завидномъ благосостояніи и вовсе отвыкли воевать. При всѣхъ этихъ условіяхъ сербскіе солдаты стремились всѣми мѣрами домой, подальше отъ турецкихъ пушекъ, и по дѣтски радовались, когда достигали этого хотя бы жертвуя однимъ пальцемъ. Но объ этомъ въ свое время было довольно писано.

Относительно теченія ранъ, нанесенныхъ себѣ самими ранеными, я не имѣю точныхъ свѣдѣній, потому что онѣ были лѣчимы почти всѣ амбулаторнымъ образомъ. Бѣльшую частію онѣ заживали безъ особенныхъ осложненій. Но, однако, не всѣмъ сходило съ рукъ благополучно это членовредительство; у нѣсколькихъ человѣкъ съ подобными ранами я видѣлъ распространеніе глубокаго флегмонознаго процесса на всю переднюю поверхность предплечія.

Мѣръ противъ распространенія этого зла въ войскахъ почти вовсе не принималось. Собирались разстрѣливать членовредителей, но я не слышалъ ни объ одномъ исполненіи такого приговора. Никто не рѣшался карать уже покараннаго...

¹⁾ Кормили солдатъ, сколько мнѣ пришлось видѣть, въ Сербіи сносно: всегда было мясо въ избыткѣ.